

СОВРЕМЕННАЯ

КЛАССИКА

Алессандро Барикко

ШЁЛК
и другие истории

Издательство «Иностранка»

Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Б 25

Alessandro Baricco
SETA
Copyright © RCS Libri & Grandi Opere S.p.A., Milano, 1996
OCEANO MARE
Copyright © RCS Libri S.p.A., Milano, 1993
SENZA SANGUE
Copyright © Alessandro Baricco, 2002
MR GWYN
Copyright © Alessandro Baricco, 2011
TRE VOLTE ALL'ALBA
Copyright © Alessandro Baricco, 2012
NOVECENTO
Copyright © Giangiacomo Feltrinelli Editore, Milano, 1994
All rights reserved

Перевод с итальянского Геннадия Киселёва, Наталии Колесовой,
Анастасии Миролюбовой, Владимира Петрова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Барикко А.

Б 25 Шёлк и другие истории / Алессандро Барикко ; пер. с ит. Г. Киселёва, Н. Колесовой, А. Миролюбовой, В. Петрова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 544 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-12575-9

Итальянский писатель Алессандро Барикко сегодня один из интереснейших романистов Европы. Его изысканные книги, напоминающие одновременно и притчи, и триллеры, и поэмы в прозе, уже переведены на десятки языков и положены в основу спектаклей и фильмов. Музыка, философия, архитектура, живопись, история, литература — вот откуда он черпает бесконечные сюжеты для своих произведений, вот где рождаются его герои: гении и чудачки, фантазеры и сумасбродные изобретатели; все его герои запоминаются надолго: Эрве Жонкур из «Шёлка», Барльгбум и Плассон из «Море-океана», Дэнни Будман из «Легенды о пианисте» — гениальный музыкант, играющий на рояле среди океана, а также эксцентричный писатель мистер Гвин, наотрез отказывающийся писать книги.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

- © Г. Киселёв, перевод, 1997, 1999
- © Н. Колесова, перевод, 2001
- © А. Миролюбова, перевод, 2012, 2013
- © В. Петров, перевод, 2001
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-12575-9

ШЁЛК

1

Хотя отец и рисовал для него блестящую карьеру военного, в конечном счёте Эрве Жонкур стал зарабатывать себе на жизнь весьма необычным ремеслом, которому, по иронии судьбы, была не чужда особенность настолько привлекательная, что выдавала смутную *женскую* интонацию.

Эрве Жонкуру зарабатывал на жизнь тем, что покупал и продавал шелковичных червей.

Шёл 1861. Флобер сочинял «Саламбо», электрическое освещение значилось в догадках, а по ту сторону Океана Авраам Линкольн вёл войну, конца которой он так и не увидит.

Эрве Жонкуру было тридцать два года.

Он покупал и продавал.

Шелковичных червей.

2

Вернее сказать, Эрве Жонкур покупал и продавал шелковичных червей, когда они пребывали ещё не в виде червей, а в виде крошечных желтовато-серых яичек, неподвижных и как будто мёртвых. На одной ладони их помещалось видимо-невидимо.

«Всё равно что держать в руке целое состояние».

В начале мая яйца раскрывались, высвобождая личинку. Через месяц лихорадочного поедания тутовых листьев личинка окуклялась, навивая кокон. А ещё через две недели

окончательно прободала его, оставляя по себе солидный прибыток, выразившийся в тысяче метров грубой шёлковой нити и кругленькой сумме французских франков. При условии, что всё проходило строго по правилам и — как в случае с Эрве Жонкуром — в каком-нибудь подходящем местечке на юге Франции.

Лавильдьё — так звалось местечко, где жил Эрве Жонкур.

Элен — так звали его жену.

Детей у них не было.

3

Дабы избежать пагубных последствий мора, то и дело опустошавшего европейские рассадники, Эрве Жонкур всё больше склонялся к покупке яиц шелкопряда за Средиземным морем, в Сирии и Египте. В этом заключалась утончённо-рискованная сторона его ремесла. Что ни год, в первых числах января он отправлялся в путь. Тысяча шестьсот миль по морю и восемьсот вёрст по суше. Он отбирал товар, приценивался и покупал. Затем проделывал обратный путь — восемьсот вёрст по суше, тысяча шестьсот миль по морю — и поспевал в Лавильдьё как раз в первое воскресенье апреля. Как раз к Праздничной мессе.

Ещё две недели уходили на то, чтобы разложить и продать кладки яиц. Остаток года он отдыхал.

4

— Какая она, Африка? — спрашивали его.

— Усталая.

У него был большой дом прямо за окраиной городка и маленькая мастерская в центре — прямо напротив заброшенного дома Жана Бербека.

Однажды Жан Бербек решил, что не будет больше говорить. И сдержал слово. Жена и двое дочерей ушли от него.

Он умер. На дом никто не позарился, вот и стоял он в полном запустении.

Покупая и продавая шелковичных червей, Эрве Жонкур зарабатывал достаточно, чтобы обеспечить себе и своей жене те удобства, которые в провинции принято считать роскошью. Он умело заправлял хозяйством, во всём знал меру, ну а вероятность — вполне достижимая — по-настоящему разбогатеть оставляла его совершенно равнодушным. Тем более что был он из тех, кому по душе *созерцать* собственную жизнь и кто не приемлет всякий соблазн *участвовать* в ней.

Замечено, что такие люди наблюдают за своей судьбой примерно так, как большинство людей за дождливым днём.

5

Спроси его кто-нибудь, Эрве Жонкур ответил бы, что готов жить так вечно. Но вот, в начале шестидесятых, моровое поветрие пебрины напрочь загубило рассадники шелкопряда в Европе, пахнув к тому же за море, в Африку, а по слухам, и в Индию. Когда в 1861 Эрве Жонкур вернулся из очередного путешествия со свежей кладкой яиц, спустя два месяца почти весь выводок был охвачен недугом. Для Лавильдье, как и для множества других мест, благоденствие которых держалось на шёлковом деле, тот год показался началом конца. Наука была бессильна разгадать причины мора. Весь белый свет, до крайних своих пределов, находился точно в плену у загадочного колдовства.

— Весь, *да не весь*, — тихо молвил Бальдабью. — Да не весь, — добавил он, разбавляя на два пальца свой перно.

6

Бальдабью был тем самым человеком, который появился в здешних краях двадцать лет назад, напрямик направился к городскому голове, без объявления вломился в его каби-

нет, раскинул на столе шёлковый шарф цвета вечерней зари и спросил:

— Как по-вашему, что это?

— Женские фитюльки.

— Не угадали. Фитюльки, только мужские: звонкая монета.

Городской голова велел выставить его за дверь. Тогда Бальдабью построил вниз по реке прядильню, на опушке леса — ригу для разведения шелкопряда, а на развилке вивьерской дороги — часовенку в честь святой Агнессы. Нанял десятка три работников, выписал из Италии диковинную деревянную машину — сплошные шестерёнки да колёсики — и не изрёк ни слова ещё семь месяцев. Потом снова нагрязнул к городскому голове и выложил на стол тридцать тысяч франков крупными купюрами в аккуратных стопках.

— Как по-вашему, что это?

— Звонкая монета.

— Не угадали. Это доказательство того, что вы олух царя небесного.

Бальдабью собрал деньги, запихнул их в суму и пошёл к выходу.

Городской голова остановил его:

— Что от меня требуется, чёрт подери?

— Ничего — и вы станете самым богатым городским головой во всей округе.

Через пять лет в Лавильдьё было семь прядилен; городок стал одним из главных шелководческих и ткацких центров Европы. Бальдабью не был его единственным владельцем. На этом необычном поприще он обрёл последователей среди местной знати и помещиков. Каждому из них Бальдабью без утайки раскрывал секреты ремесла. Это занимало его куда больше, чем тривиальное огребание денег лопатой. Он наставлял. И щедро делился тайнами. Такой он был человек.

А ещё Бальдабью был именно тем человеком, который восемь лет назад изменил жизнь Эрве Жонкура. В то время первые моровые пагубы уже начали изводить европейские плантации шелкопряда. Бальдабью хладнокровно обмозговал положение и пришёл к выводу, что задачу не нужно решать, её нужно обойти. План у него созрел, не хватало только исполнителя. Он понял, что нашёл его, когда впервые увидел Эрве Жонкура. Тот проходил мимо кабачка Вердена в щегольском мундире пехотного подпоручика, горделиво вышагивая, как и подобает молодому офицеру в отпуске. Тогда ему минуло двадцать четыре. Бальдабью зазвал его к себе, развернул перед ним атлас, пестревший экзотическими названиями, и сказал:

— Поздравляю, мой мальчик. Ты наконец-то нашёл серьёзную работу.

Эрве Жонкур выслушал причудливый рассказ о шелкопрядах, личинках, пирамидах и морских странствиях. А потом сказал:

— Я не могу.

— Что так?

— Через два дня у меня кончается отпуск. Я должен вернуться в Париж.

— Военная карьера?

— Да. Такова воля отца.

— Это не вопрос.

И он повёл Эрве Жонкура к отцу.

— Как по-вашему, кто это? — спросил Бальдабью, без объявлений вломившись в кабинет отца.

— Мой сын.

— Взгляните получше.

Городской голова откинулся на спинку кожаного кресла и почувствовал, что потеет.

— Это мой сын Эрве Жонкур. Через два дня он вернётся в Париж. Там его ждёт блестящая карьера в нашей доблестной армии, если на то будет воля Господа и святой Агнессы.

— Верно. Только у Господа и других дел по горло, а святая Агнесса терпеть не может военных.

Через месяц Эрве Жонкур отправился в Египет. Он вышел в море на корабле под названием «Адель». В каютах витали ароматы камбуза, некий англичанин уверял, что бился при Ватерлоо, вечером третьего дня на горизонте, словно хмельные волны, блеснули дельфины, в рулетку без конца выпадало шестнадцать.

Вернулся он спустя два месяца — в первое воскресенье апреля, как раз к Праздничной мессе — с двумя деревянными кофрами: проложенные ватой, там почивали тысячи яичек шелкопряда. В придачу у него накопилась уйма всевозможных историй. Но когда они остались наедине, Бальдабью спросил его лишь об одном:

— Расскажи мне о дельфинах.

— О дельфинах?

— О том, когда ты их видел.

Таким был этот Бальдабью.

Никто не знал, сколько ему лет.

8

— *Весь, да не весь*, — тихо молвил Бальдабью. — Да не весь, — добавил он, разбавляя на два пальца свой перно.

Август, время за полночь. Обычно в этот час кабачок Вердена давно уже закрывался. Перевернутые стулья рядком выстраивались на столах. Стойка и всё прочее были отчищены. Оставалось погасить свет и закрыть кабачок. Но Верден терпеливо ждал. Бальдабью продолжал говорить.

Эрве Жонкур сидел напротив с потухшей сигаретой во рту и неподвижно слушал. Как и восемь лет назад, он безропотно позволял этому человеку заново выстраивать его судьбу. Тихая, отчётливая речь перемежалась ритмичными глот-

ками перно. Бальдабью не смолкал в течение долгих минут. А напоследок заключил:

— У нас нет выбора. Если мы хотим выжить, нам нужно дотуда добраться.

Молчание.

Облокотившись о стойку, Верден поднял на них глаза.

Бальдабью целиком отдался поискам лишнего глотка перно со дна стакана.

Эрве Жонкур примостил сигарету на краю стола, прежде чем сказать:

— А вообще, где она, эта Япония?

Бальдабью поднял палку, направив её поверх церкви Святого Огюста.

— Прямо, не сворачивая.

Сказал он.

— И так до самого конца света.

9

В те времена Япония и впрямь была на другом конце света. Два столетия остров, собранный из островов, существовал в полном отрыве от остального мира, пренебрегая всякой связью с континентом, не подпуская к себе иноземцев. Китайский берег отстоял миль на двести, но императорский указ способствовал тому, чтобы он откатился ещё дальше: указом повсеместно запрещалось строительство двух- или трёхмачтовых кораблей. Следуя по-своему дальновидной логике, указ не возбранял покидать родину, зато обрекал на смерть каждого, кто посмеет вернуться. Китайские, голландские и английские купцы не раз пытались прорвать эту нелепую обособленность, но им всего-навсего удавалось сплести непрочную и чреватую опасностями сеть контрабанды. В итоге они довольствовались мизерным барышом, кучей неприятностей и расхожими байками, которые травили по вечерам в каком-нибудь порту. Там, где оплошали купцы, преуспели, бряцая оружием, американцы. В июле 1853 коммодор Мэтью К. Пер-

ри вошёл в бухту Иокогамы с новейшей флотилией паровых судов и предъявил японцам ультиматум, в коем «уповалось» на доступность острова для иностранцев.

До этого японцы видом не видывали, чтобы морской корабль шёл против ветра.

Когда семь месяцев спустя Перри вернулся за ответом на свой ультиматум, военное правительство острова пошло на подписание договора, по которому чужакам разрешался доступ в два северных порта Страны. Сверх того, им дозволялось заключать первые, весьма умеренные сделки. «Отныне море, омывающее этот остров, — объявил с некоторой помпезностью коммодор, — станет гораздо мельче».

10

Обо всём этом Бальдабью прекрасно знал. Знал он и о легенде, которая не сходила с языка у побывавших там странников. Легенда гласила, что на острове выдělывают шёлк, какого на всём белом свете не сыскать. Выдělывают добрую тысячу лет таинственным способом, достигшим чудесного совершенства. И всё бы хорошо, только Бальдабью полагал, что никакая это не легенда, а самая настоящая правда. Однажды он держал в руках платок, вытканый из шёлковой японской нити. Так держат в руках воздух. И когда всё, казалось, пошло прахом из-за кутерьмы с пeбpиной и недужными червями, он разом смекнул:

— Стоит себе остров. Шелкопряда на нём хоть отбавляй. И коли за двести лет на этот остров не ступила нога китайского купчишки или аглицкого страховщика, то никакой заразе туда вовек не дойти.

И не просто смекнул, а известил всех местных шелкоделов, собрав их в кабачке Вердена. Никто из них отродясь не слыхивал ни о какой Японии.

— Это что же нам, за отборными кладками теперь полсвета отмахать прикажешь? И куда? У них как завидят чужака, так мигом его и вздёрнут.

— Вздёргивали, — поправил Бальдабью.

Шелководы не знали, что и думать. Кое-кто возражал:

— Почему же никому до сих пор не пришло в голову закупать там кладки?

Бальдабью мог бы для порядка и приврать, напомнив честному народу, что другого такого Бальдабью им днём с огнём не найти. Но он предпочёл выложить всё начистоту:

— Японцы смирились с тем, что шёлк придётся продавать. Но не кладки яиц. Их они берегут как зеницу ока. И объявляют преступником всякого, кто осмелится вывезти кладки с острова.

Шелководы из Лавильдье в большинстве своём были людьми добропорядочными. Им и в голову бы не пришло нарушать закон в собственной стране. Зато перспектива сделать это на другом конце света, похоже, устраивала их вполне.

11

Шёл 1861. Флобер заканчивал «Саламбо», электрическое освещение значилось в числе догадок, а по ту сторону Океана Авраам Линкольн вёл войну, конца которой он так и не увидит. Шелководы из Лавильдье объединились в товарищество и собрали порядочную сумму, необходимую для проведения экспедиции. Они сочли разумным доверить её Эрве Жонкуру. Когда Бальдабью спросил его согласия, в ответ он услышал вопрос:

— А всё-таки где она, эта Япония?

Прямо, не сворачивая. И так до самого конца света.

Он двинулся в путь шестого октября. Один.

На окраине Лавильдье он обнял Элен и проронил:

— Ты не должна ничего бояться.

Она была высокой и медлительной. У неё были длинные тёмные волосы, которые она никогда не собирала в пучок. И чарующий голос.

Эрве Жонкур двинулся в путь, имея при себе восемьдесят тысяч франков золотом и полученные от Бальдабью имена трёх людей: китайца, голландца и японца. Он пересёк границу возле Меца, проехал Вюртемберг и Баварию, въехал в Австрию, поездом добрался до Вены и Будапешта, а затем напрямую до Киева. Отмахал на перекладных две тысячи вёрст по русской равнине, перевалил через Уральский хребет, углубился в просторы Сибири, сорок дней колесил по ней до озера Байкал, которое в тех краях называют «морем». Прошёл Амур вниз по течению вдоль китайской границы до самого Океана. Дойдя до Океана, просидел в порту Сабирк одиннадцать дней, пока корабль голландских контрабандистов не доставил его до мыса Тэрая на западном побережье Японии. Окольными путями пересёк префектуры Исикава, Тояма и Ниигата, вступил в провинцию Фукусима, дошёл до города Сиракава, обогнул его с восточной стороны, двое суток дождался человека в чёрном, который завязал ему глаза и провёл в деревню на холмах, где он заночевал, а наутро сторговал партию яиц шелкопряда у бессловесного человека, чьё лицо скрывал шёлковый платок. На закате он укрыл товар в своей поклаже, встал к Японии спиной и тронулся в обратный путь.

Не успел Эрве Жонкур выйти за околицу, как его догнал и остановил какой-то селянин. Он что-то возбуждённо затараторил и с любезной решительностью повёл чужестранца назад.

Эрве Жонкур не знал по-японски и потому не уяснил речи селянина. Но понял, что Хара Кэй хочет его видеть.

Перегородка из рисовой бумаги отъехала вбок, и Эрве Жонкур вошёл. На полу, в самом дальнем углу комнаты, скрестив ноги, сидел Хара Кэй. Тёмная туника, никаких

украшений. Единственная зримая примета власти — недвижно лежащая рядом женщина: голова покоится на его животе, глаза сомкнуты, руки скрыты в широком алом кимоно, полыхающем как пламя на пепельной циновке. Он медленно запускает пальцы в её волосы, словно поглаживая шёрстку задремавшего ценного зверька.

Эрве Жонкур пересёк комнату, подождал, пока хозяин сделает ему знак, и сел напротив. Какое-то время они молчали, глядя друг другу в глаза. Из ниоткуда возник слуга, поставил перед ними две чашки чая и вновь обратился в ничто. Хара Кэй заговорил на своём языке. Его напевный голос истончался в назойливо-искусственном фальцете. Эрве Жонкур слушал. Он не отрывал глаз от глаз Хара Кэя и лишь на миг, почти непроизвольно, опустил их на женское лицо.

Это было лицо девочки.

Он поднял глаза.

Хара Кэй прервался, взял одну из чашек, поднёс её к губам и, помедлив, произнёс:

— Попробуйте рассказать о себе.

Он произнёс это по-французски, слегка растягивая гласные, хриловатым, искренним голосом.

14

Недоступнейшему из японцев, хозяину всего, что пришельцам удавалось вывезти с чужедального острова, попытался Эрве Жонкур рассказать, кто он такой. Он говорил на родном языке, говорил не торопясь, даже не зная наверняка, способен ли Хара Кэй понять его. Словно по наитию отбросил он излишние опасения и без прикрас и умолчаний поведал всю правду. Просто и ясно. Монотонным голосом и скупыми жестами он выстраивал в общий ряд незначительные подробности и главные события, подражая гипнотическому порядку меланхолично-сухой описи уцелевших после пожара вещей. Хара Кэй слушал — черт его лица не тронул и сла-

бый налёт выразительности. Он сосредоточенно смотрел на губы Эрве Жонкура, точно это были последние строки прощального письма. В комнате царили такая тишина и неподвижность, что происшедшее вдруг, при всей своей ничтожности, показалось чем-то невероятным. Внезапно,

без малейшего движения,
лежащая девушка
открыла глаза.

Не прерываясь, Эрве Жонкур бессознательно устремил на неё взгляд, и вот что он увидел, по-прежнему не обрывая речи: у этих глаз *не было восточного разреза*; и ещё: они взирали на него *с пронзительной остротой*, как будто с самого начала неустанно следили за ним из-под век. Эрве Жонкур отвёл взгляд со всей непринуждённостью, на какую был способен, стараясь продолжить рассказ и не допустить лишнего перепада в голосе. Он прервался, лишь когда его взгляд упал на чашку чая, стоявшую перед ним на полу. Взял её одной рукой, поднёс к губам, отпил маленький глоток. И снова заговорил, ставя чашку на прежнее место.

15

Франция, хождения за море, дух шелковицы из Лавильдье, поезда на паровой тяге, голос Элен. Эрве Жонкур продолжал рассказывать о своей жизни, чего ещё не делал никогда в жизни. Девушка продолжала смотреть на него; её неистовый взгляд властно принуждал всякое его слово звучать с особой значимостью. Когда вся комната сползла в полную неподвижность, из её кимоно неожиданно выпросталась рука и бесшумно скользнула по циновке. Эрве Жонкур видел, как это бледное пятно дотянулось до границы его зрительного поля, коснулось чашки Хара Кэя, а затем, необъяснимым образом, заскользило дальше, до следующей чашки — той самой, из которой неотвратимо пил *он сам*, — без колебаний взялось за неё, легонько вздело и унесло с собой. Хара Кэй ни

на секунду не отвлекался от невозмутимого созерцания губ Эрве Жонкура.

Девушка чуть приподняла голову.

Впервые отвела она взгляд от Эрве Жонкура и направила его на чашку.

Медленно повернула чашку, пока губы в точности не совпали с тем местом, где пил он.

Прищурился, сделала глоток. Отстранила чашку от губ.

Спрятала руку в складках одежды.

Склонила голову на живот Хара Кэй.

Пристально глядя в глаза Эрве Жонкура.

16

Эрве Жонкур говорил ещё долго. Он приумолк, лишь когда Хара Кэй отвёл от него взгляд и еле заметно кивнул.

Молчание.

Слегка растягивая гласные, хриловатым, искренним голосом Хара Кэй произнёс по-французски:

— Надумаете вернуться — приятно будет вас видеть.

Впервые он улыбнулся.

— Вместо яичек шелкопряда вам подсунули рыбью икру: грош ей цена.

Эрве Жонкур потушился. Перед ним стояла чашка чая. Он взял её и, вращая, начал осматривать, словно выискивал что-то на цветной каёмке. Найдя, что искал, он пригубил чашку и выпил её до дна. Затем поставил чашку перед собой и сказал:

— Я знаю.

Хара Кэй весело засмеялся.

— Оттого-то и расплатились фальшивым золотом?

— По товару и монета.

Хара Кэй посерьёзшел.

— Вы получите то, за чем пришли, когда покинете эти места.

— А вы получите ваше золото, когда я покину этот остров целым и невредимым. Вот вам моё слово.

Эрве Жонкур не стал дожидаться ответа. Он поднялся, отступил назад и поклонился.

Напоследок он увидел её глаза: совершенно безмолвные, они неотрывно смотрели в его глаза.

17

Через шесть дней Эрве Жонкур сел в Такаоке на корабль голландских контрабандистов, доставивший его в Сабирк. Оттуда, вдоль китайской границы, он поднялся до озера Байкал, проделал четыре тысячи вёрст по сибирским просторам, перевалил через Уральский хребет, добрался до Киева, поездом проехал всю Европу с востока на запад и после трёхмесячного путешествия прибыл во Францию. В первое воскресенье апреля — как раз к Праздничной мессе — он показался у въезда в Лавильдьё. Остановился, возблагодарил Господа и вступил в город, считая шаги, чтобы у каждого шага было своё имя и чтобы уже не забыть их никогда.

— Ну и какой он, конец света? — спросил у него Бальдабью.

— Невидимый.

В подарок жене он привёз шёлковую тунику, которую стеснительная Элен так ни разу и не надела. Возьмёшь её в руки — и кажется, держишь в руках воздух.

18

Яичные кладки, привезённые Эрве Жонкуром из Японии, оказались вполне здоровыми, после того как их высадили на множество мелко нарезанных листьев тутового дерева. Шёлк

в округе Лавильдье выдался в тот год, каких свет не видал: и количеством и добротностью. Решили открыть ещё две прядильни, а Бальдабью соорудил клуатр возле часовенки Святой Агнессы. Он почему-то вообразил его круглым и заказал проект испанскому архитектору Хуану Бенитесу, построившему немало арен для боя быков.

— Да, и никакого песка: посредине мы разобьём сквер. И если можно, у входа вместо бычьих голов — дельфины.

— Дельфины, сеньор?

— Ты рыбу когда-нибудь видел, Бенитес?

Эрве Жонкуру подбил кое-какие счета и обнаружил, что богат. Он прикупил тридцать акров земли к югу от своих владений и всё лето занимался разметкой парка для усадительных прогулок в тиши и спокойствии. Парк представлялся ему невидимым, как тот конец света. По утрам он хаживал к Вердену, где узнавал о местных новостях и просматривал газеты, доставленные из Парижа. Вечерами допоздна засиживался вместе с Элен на открытой веранде своего дома. Она читала вслух, и он чувствовал себя счастливым, думая про себя, что на всём белом свете нет голоса краше, чем её голос.

4 сентября 1862 ему исполнилось тридцать три года. Жизнь струилась перед его взором как дождь: легко и безмятежно.

19

— Ты не должна ничего бояться.

Раз уж так решил Бальдабью, Эрве Жонкуру снова отправился в Японию в первый день октября. Он пересёк границу возле Меца, проехал Вюртемберг и Баварию, въехал в Австрию, поездом добрался до Вены и Будапешта, а затем напрямую до Киева. Отмахал на перекладных две тысячи вёрст по русской равнине, перевалил через Уральский хребет, углубился в просторы Сибири, сорок дней колесил по ней до

озера Байкал, которое в тех краях называют «окайнным». Прошёл Амур вниз по течению вдоль китайской границы до самого Океана. Дойдя до Океана, просидел в порту Сабирк одиннадцать дней, покуда корабль голландских контрабандистов не доставил его до мыса Тэрая на западном побережье Японии. Окольными путями миновал префектуры Исигава, Тояма и Ниигата, вступил в провинцию Фукусима, дошёл до города Сиракава, обогнул его с восточной стороны, двое суток дожидался человека в чёрном, который завязал ему глаза и провёл в деревню Хара Кэя. Когда он открыл глаза, перед ним стояли двое слуг. Они взяли его вещи и довели до опушки леса. Там они указали ему на тропинку и оставили чужеземца одного. Эрве Жонкур зашагал в тени, отхваченной у дневного света наседавшими со всех сторон деревьями. Он остановился, когда зелёная завеса на обочине вдруг на мгновение приоткрылась, словно окно. Метрах в тридцати книзу виднелось озеро. На берегу, спиной к нему, сидел Хара Кэй, а рядом — женщина в оранжевом платье, с распущенными по плечам волосами. Стоило Эрве Жонкуру взглянуть на неё, как она медленно повернулась, ровно на то короткое время, которого хватило, чтобы поймать его взгляд.

У её глаз не было восточного разреза; её лицо было лицом девочки.

Эрве Жонкур продолжил путь в чаще леса и, выйдя, очутился на самой кромке суши. Чуть впереди, на корточках сидел одетый в чёрное Хара Кэй. Сидел не двигаясь, один. Вблизи лежало сброшенное на землю оранжевое платье и пара соломенных сандалий. Эрве Жонкур подошёл. Лёгкие покатые волны подгоняли озёрную воду к берегу будто присланные откуда-то издалека.

— Мой французский друг, — вымолвил Хара Кэй, не обращившись.

Прошёл не один час, пока они говорили и молчали, сидя друг подле друга. Затем Хара Кэй встал. Эрве Жонкур последовал за ним. Неуловимым движением, прежде чем сту-

пить на тропинку, он выронил одну из своих перчаток рядом с оранжевым платьем, брошенным на берегу. В селение они пришли уже под вечер.

20

Эрве Жонкур гостил у Хара Кэя четыре дня. И жил как при дворе у короля. Всё в том селении существовало ради этого человека; едва ли не каждое движение на окружающих холмах свершалось, дабы охранить или ублажить его. Прочая жизнь кипела приглушённо, копошась украдкой, точно загнанный в логово зверь. Мир будто отдалился на века.

В распоряжении Эрве Жонкура был дом и пятеро слуг, сопровождавших его повсюду. Ел он один, под сенью цветущего дерева небывалой красоты. Дважды в день, с особой торжественностью, подавали чай. Вечером Эрве Жонкура приводили в просторную комнату с каменным полом, где совершался обряд омовения. Три пожилые женщины — на лицах подобие восковых масок — поливали водой и обтирали его тело тёплой шёлковой простынёй. Руки у них были узловатые, а прикосновения — лёгкие.

Утром второго дня Эрве Жонкур наблюдал, как в селении появился белый человек. За ним катились две телеги, доверху гружённые большими деревянными ящиками. Это был англичанин. Он приехал не покупать. Он приехал продавать.

— Оружие, месье. А вы?

— Я покупаю. Шелковичных червей.

Ужинали вместе. Англичанину было что рассказать. Восемь лет мерил он вёрсты между Европой и Японией. Эрве Жонкур долго слушал, а под конец спросил:

— Не знакома ли вам молодая женщина, полагаю европейка, белая — что живёт здесь?

Англичанин продолжал есть с непроницаемым видом.

— В Японии не бывает белых женщин. В Японии нет ни одной белой женщины.

На другой день он уехал с целой подводой золота.

21

Эрве Жонкур снова увидел Хара Кэя лишь утром третьего дня. Ни с того ни с сего пятеро его слуг, как по волшебству, улетучились, и через несколько мгновений возник он сам. Человек, ради которого вековали свой век здешние селяне, постоянно перемещался в некоем пустом пузыре. Как будто негласный указ предписывал всему свету не нарушать его покоя.

Они взошли по косогору на отлогую поляну. Небо в вышине разлиновали десятки голубых большекрылых птиц.

— Местные жители смотрят на птиц и по их полёту угадывают будущее.

Сказал Хара Кэй.

— Помню, в детстве отец привёл меня на такую поляну, вложил в мои руки свой лук и велел стрелять по птицам. Я выстрелил, и голубая большекрылая птица камнем упала на землю. Угадай полёт твоей стрелы, если хочешь знать, что ждёт тебя впереди, сказал мне отец.

Птицы неторопливо парили в небе, то поднимаясь, то опускаясь, будто старательно пытались заштриховать его крыльями.

Они сошли в деревню при странном свете дня, казавшегося вечером. У дома Эрве Жонкура они распрощались. Хара Кэй повернулся и не спеша направился вниз по дорожке, сбегавшей вдоль реки. Эрве Жонкур задержался на пороге, глядя ему вслед. Он подождал, пока Хара Кэй отойдёт шагов на двадцать, и произнёс:

— Когда вы скажете мне, кто эта девушка?

Хара Кэй шёл не останавливаясь, мерным шагом, в котором не было и тени усталости. Кругом царила полная тишина и опустошённость. Куда бы ни направлялся этот человек, он, словно по особому предписанию, погружался в совершенное и безграничное уединение.

22

Утром последнего дня Эрве Жонкур вышел побродить по деревне. Мужчины на его пути отвешивали поклоны; женщины, потупив взгляд, расплывались в улыбке. Он сообразил, что жилище Хара Кэя где-то рядом, когда разглядел громадную вольеру, вместившую немислимое множество всевозможных птиц: чудеса, да и только. В разговоре с ним Хара Кэй признался, что выписывал их со всех концов света. Среди птиц были и такие, что стоили поболее всего шёлка, который выткали бы в Лавильдьё за год. Эрве Жонкур неподвижно смотрел на это великолепное безумие. Ему вспомнилась одна книга, в которой было сказано, что восточные мужчины, воздавая должное верности любимых женщин, имели обыкновение дарить им не драгоценности, но редких и восхитительных птиц.

Обитель Хара Кэя, казалось, утопала в озере тишины. Эрве Жонкур подошёл и остановился у входа. Дверей не было вовсе, а на бумажных стенах появлялись и пропадали тени, не поднимавшие ни малейшего шума. Всё это едва ли напоминало жизнь. Попробуй он выразить увиденное одним словом, это было бы слово «театр». Эрве Жонкур так и остолбенел у самого дома в ожидании неизвестно чего. За то время, что он предоставил судьбе, лишь тени и безмолвие просачивались за пределы этой необычной сцены. Эрве Жонкур повернулся и ходко пошёл к собственному дому. Опустив голову, он смотрел себе под ноги, ибо это помогало ему не думать.

СОДЕРЖАНИЕ

ШЁЛК. <i>Перевод Г. Киселёва</i>	5
МОРЕ-ОКЕАН. <i>Перевод Г. Киселёва</i>	63
1900-й: ЛЕГЕНДА О ПИАНИСТЕ. <i>Перевод Н. Колесовой</i>	233
БЕЗ КРОВИ. <i>Перевод В. Петрова</i>	277
МИСТЕР ГВИН. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	327
ТРИЖДЫ НА ЗАРЕ. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	475

Литературно-художественное издание

АЛЕССАНДРО БАРИККО

ШЁЛК И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать 15.12.2016. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAIL2060901R